«О□ ГИБЕЛИ МАМЫ В ГОСПИТАЛЕ МЫ УЗНАЛИ ОТ ЗНАКОМОГО ВРАЧА СЛУЧАЙНО»

Недавно в госпитале для ковидных больных, развернутом на базе терапевтического корпуса Камчатской краевой больницы им. А. С. Лукашевского, произошел вопиющий случай: в течение двух недель, с 26 июня по 9□ июля, родственники пациентки этого госпиталя ничего не могли узнать о ее судьбе, хотя пытались сделать это постоянно. Они «обрывали» телефоны приемной больницы, пробовали выяснить хоть что-то через своих знакомых и в конце концов обратились за помощью в нашу газету. К тому времени родные знали лишь то, что их мама 26 июня была переведена в реанимацию, после чего связь с ней окончательно прервалась.

С 26 июня и по 9 июля мы пытались узнать о судьбе заболевшей женщины. Звонили руководителю пресс-службы Правительства Камчатского края Алле Головань с просьбой найти информацию или дать контактные телефоны медиков, которые могли бы прояснить ситуацию. За все это время никакой действенной помощи в поиске информации от руководителя пресс-службы мы так и не получили.

9 июля родственники вновь позвонили в редакцию. Они сообщили, что их мама умерла в больнице еще 2 июля, и узнали они об этом совершенно случайно, от знакомого терапевта, который раздобыл информацию по своим личным связям. Люди спрашивали нас, что же им теперь делать.

Корреспондент газеты сразу же сообщил об этом шокирующем факте руководителю пресс-службы Правительства края и спросил, к кому же теперь должны обращаться родственники и что им далее предпринять. Он также назвал руководителю пресс-службы номер телефона родственников умершей женщины. Алла Головань сказала, что с родственниками должна связаться заместитель руководителя краевого Министерства здравоохранения Марина Волкова, чтобы принести извинения и пояснить, что им следует делать дальше. Прошло два часа — все это время родственники терпеливо ждали звонка Волковой, но его не последовало. Корреспондент еще раз

связался с Аллой Головань. На этот раз она сказала: «Вот вам телефон Волковой, пусть родственники звонят ей сами, я ничего не могу сделать».

После этого корреспондент вышел на связь со своим знакомым медиком, работающим в ковидном госпитале, и спросил, к кому же теперь должны обращаться родственники погибшей пациентки. Тот посоветовал обратиться к заместителю главного врача краевой больницы Соколову Сергею Анатольевичу и сказал, где его найти. К сожалению, номера телефона он не знал, так что родственники поехали к нему без звонка.

В этот и последующие дни корреспонденты газеты пытались дозвониться заместителю руководителя краевого Минздрава Марине Волковой, чтобы получить у нее объяснение этой из ряда вон выходящей ситуации. 9 и 10 июля Марина Владимировна не выходила на связь. 13 июля она взяла трубку и в ответ на вопрос: «Как могло случиться, что люди неделю не знали о том, что их родственница умерла в ковидном госпитале?» отказалась комментировать ситуацию. Она сказала, что вопросы следует задавать главному врачу краевой больницы Андрею Геннадьевичу Кислякову.

Андрей Геннадьевич, которому корреспондент позвонил следом, в категоричном тоне ответил, что по телефону не обсуждает данную ситуацию, и посоветовал обращаться в пресс-службу Министерства здравоохранения Камчатского края. Как оказалось, такой службы в Минздраве не существует. Существует, правда, информационный штаб по вопросам COVID-19, созданный при ГБУЗ «Камчатский краевой центр медицинской профилактики».

Ответы такого рода, когда человека — неважно, корреспондента или родственника — «отфутболивают» от одного должностного лица к другому, характерная особенность чиновников камчатского Минздрава, с которой сотрудники нашей газеты столкнулись во время подготовки предыдущих публикаций.

О подробностях этой шокирующей истории я узнала от дочери (ее имя и телефон в редакции имеются) погибшей женщины. Привожу монолог полностью.

— Моя мама, Нина Петровна Фатюхина, с 19 июня проходила лечение в ковидном

госпитале, открытом в краевой больнице в Петропавловске-Камчатском. Сама она жительница города Елизово. Мама 1948 года рождения, много лет болела сахарным диабетом, то есть входила в группу риска. Поэтому, когда она почувствовала недомогание, похожее по симптомам на проявление коронавирусной инфекции, сразу же позвонила в Елизовскую больницу. К сожалению, я сейчас не вспомню, какого именно числа это было. На дом пришел участковый врач, осмотрел, назначил лечение. Но лечение не помогло, мама стала чувствовать себя хуже, ей стало труднее дышать, и в ночь на 19 июня пришлось вызвать скорую. Бригада приехала, но сразу забрать маму не смогла, так как, по объяснениям медика, ей надо было сделать компьютерную томографию, а в ночное время сделать это нельзя. Посоветовали перезвонить утром, что мы и сделали. 19 июня маму увезли в Петропавловск-Камчатский и поместили в краевую больницу, в госпиталь для ковидных больных, который там открыт. Первый день она лежала в отделении гинекологии, потом ее перевели в отделение терапии. У мамы был с собой телефон, и пока она находилась в обычной палате, мы могли поддерживать с ней связь. Она сообщала, что получает лечение, пользуется кислородной маской. Поскольку мама болеет сахарным диабетом, она не может обходиться без инсулина. Когда ее забрали в больницу, в суете забыли положить с собой лекарство. На следующий день я привезла лекарство в больницу, но передать его оказалось очень сложно. Выходили медики в защитных костюмах, говорили, что передачи для больных запрещены. С огромным трудом удалось передать инсулин и воду.

С 26 июня маму перевели в реанимацию в связи с ухудшением состояния здоровья, и связь с ней прервалась. Об ухудшении ее самочувствия и переводе в реанимацию нас никто не уведомил. Узнали мы об этом по своим источникам на уровне медсестер, называть которых не буду. Тогда я позвонила в приемное отделение больницы, чтобы узнать о состоянии мамы, и мне ответили, что информация является закрытой и по телефону не предоставляется, в том числе по телефону не имеет права ее сообщить и лечащий врач. А личный контакт с ним невозможен, так как это закрытый ковидный госпиталь.

Естественно, что после такого ответа мы стали пытаться узнать хоть что-то через своих знакомых. Благодаря помощи этих людей нам дважды удавалось это сделать. Через них мы узнали, что у мамы поражена часть легких, состояние «тяжелое, но стабильное».

Все это время мой отец находился дома на карантине. Дважды он сдавал тест, но результатов все не было. 9 июля утром ему сообщили, что результат непонятен, надо сдать третий тест. По этому поводу отец позвонил в Елизовскую больницу, связался с терапевтом (его фамилия в редакции имеется), которого знает много лет, так как тот лечил нашу маму. В разговоре с доктором отец попросил помочь ему узнать, что с

женой, как она себя чувствует. И вот в этот день от терапевта мы узнали, что наша мама умерла еще 2 июля. Неделю наша семья находилась в неведении! Как это вообще может быть?!

После этого известия мы с помощью депутата городской Думы вышли на контакт с заместителем главного врача краевой больницы Соколовым. Поскольку он находится в административном здании, встреча с ним была возможной. Мы нанесли визит этому доктору сегодня. Ни слов соболезнования, ни извинений с его стороны не последовало. Только констатация факта: да, такое бывает, когда у пациентов нет контактов либо они не указаны в медкартах. (Но там же указан адрес! — Авт.) Он также сообщил нам, что тело мамы, ее документы и вещи находятся в елизовском морге.

Я спросила его: сколько времени наша семья могла еще находиться в неведении о маминой смерти? Ответ последовал невнятный, что-то вроде того, что с нами должны были связаться работники морга.

Мы с мужем тут же поехали в Елизово, но не успели, потому что по графику морг работает до 14 часов. Мы позвонили в ритуальное агентство, чтобы выяснить все вопросы о похоронах, и нас спросили о маминых документах. Мы объяснили, что они в морге, но попасть туда мы не можем. В агентстве сказали, что там документы быть не должны. Тогда мы вернулись в кабинет к доктору Соколову. И оказалось, что он нас дезинформировал: минут 30 звонил по телефону куда-то, а потом выяснилось, что личные документы мамы и ее вещи находятся в приемном покое больницы. Там мы их и получили, — рассказала она. И уже заканчивая беседу, дочь погибшей женщины высказала вопрос, который не дает ей покоя:

— Почему в медкарте мамы, или как еще называется этот документ, не были указаны контактные номера телефонов? У меня этому одно объяснение: ее просто никто не спросил об этом, так как документы заполнялись кое-как, впопыхах. То есть налицо халатность и наплевательское отношение к человеку. Мама поступила в больницу в ясном сознании и памяти, наши телефоны она знала, мы неоднократно с ней общались, — сказала она.

По словам дочери Нины Петровны, они похоронили маму в субботу 11 июля. Никаких соболезнований и извинений родственникам от руководства больницы, не говоря уже о представителях Минздрава, так и не последовало. Осиротевшая семья получила

двойной шок: от смерти близкого человека и от того, как и когда узнала об этом. У родных погибшей женщины появилось желание обратиться в прокуратуру с просьбой о проверке ситуации, сложившейся в ковидном госпитале краевой больницы.

Кто выявит и накажет виновных в том, что случилось с жительницей города Елизово, проходившей лечение в ковидном госпитале, развернутом на базе Камчатской краевой больницы? И что было бы с ней, не узнай, по чистой случайности, родные о ее смерти? Хоронили бы как безродную?

13 июля, во время подготовки материала к публикации, мы обратили внимание, что на сайте Правительства Камчатского края в сводке данных по коронавирусу исчезла строка с указанием числа летальных исходов с начала пандемии и за истекшие сутки. Последний раз данные об умерших публиковались 10 июля, было указано 57 человек.

Дать какие-либо пояснения по данному поводу нашему корреспонденту руководитель пресс-службы краевого правительства Алла Головань не смогла, но сообщила телефон сотрудника информационного штаба по вопросам COVID-19, созданного при ГБУЗ «Камчатский краевой центр медицинской профилактики» Артема Днепровского, ведающего вопросами, касающимися деятельности краевого Минздрава. Днепровский объяснил, что это временная ситуация, возникшая из-за несоответствия данных краевого Минздрава и Роспотребнадзора. По его словам, в двух этих ведомствах учет летальных исходов велся по-разному. Теперь учет будет вестись согласно директиве федерального центра. Назвать официальный документ, регламентирующий систему учета, и его реквизиты Днепровский затруднился. Не смог назвать корреспонденту этот документ и руководитель информационного штаба Марис Блумс.

Врио заместителя председателя Правительства Камчатского края Роман Василевский прокомментировал для СМИ ситуацию так: «Мы давали данные об умерших в ковидных госпиталях, не только от ковида, а в ковидных госпиталях. По результатам вскрытия причина может измениться в зависимости от того, какие заболевания были у человека. В Минздраве России и федеральном Роспотребнадзоре говорят, что так неправильно считать. Как пример: если человека с ковидом сбила машина, что первично — ковид или травма? Поэтому мы убрали информацию и думаем, как ее сейчас давать. Официальные данные, основанные на результатах вскрытия, будут публиковаться с задержкой. Сейчас их можно найти на сайтах Минздрава и Роспотребнадзора». Он также сообщил, что по состоянию на утро 14 июля в ковидных госпиталях Камчатки умерли 58 человек.

Подведем итоги. В столице Камчатского края работает региональный штаб по недопущению распространения новой коронавирусной инфекции, вся информация из которого поступает в пресс-службу Правительства Камчатского края. Помимо этого существует еще информационный штаб по вопросам COVID-19, созданный при ГБУЗ «Камчатский краевой центр медицинской профилактики», в который входят шесть человек. Руководителем этого штаба является Марис Эдвинович Блумс, заместитель главного врача указанного краевого центра по организационно-методической работе. Конкретно за направление деятельности краевого Министерства здравоохранения в этом штабе отвечает Артем Днепровский, специалист аналитического отдела Государственного казенного учреждения «Камчатский краевой финансово-аналитический центр в сфере здравоохранения». При этом, по словам Днепровского, общее руководство работой штаба осуществляет руководитель пресс-службы краевого правительства Алла Головань. Почему же при таком количестве организаций и сотрудников получить жизненно важную для людей информацию по официальным каналам оказалось невозможным? А если бы у родственников погибшей женщины не оказалось знакомых, способных узнать о ее судьбе?

В Камчатском крае создана большая и совершенно неэффективная структура информационного обеспечения населения по вопросам борьбы с коронавирусом. Устройство и функционал этой структуры, по всей видимости, не понимают до конца даже сами её сотрудники.

Не так давно руководителем пресс-службы Камчатского края работала Юлия Чайкина, отличавшаяся полной неспособностью даже просто получить и сообщить элементарную информацию. Теперь ее место заняла Алла Головань, и, судя по описанной выше ситуации, по своим профессиональным способностям она не очень отличается от предыдущего руководителя. По крайней мере, пока.

По данным сайта стопкоронавирус. рф, где размещается официальная информация, количество умерших от COVID-19 составило 29 человек на 13 июля. Число заболевших в этот день на 15.00 составило 2 757 человек, из которых 44 человека заболели за последние сутки. 1 331 человек выздоровел с начала пандемии, 39 вылечились за истекшие сутки. В стационарах находились 364 пациента.

Наталья Максимишина